

КАРАВАЕВА (ФЕДОРОВА) Дина Николаевна / Dina KARAVAEVA (FEDOROVA)

| Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании |

КАРАВАЕВА (ФЕДОРОВА) Дина Николаевна / Dina KARAVAEVA (FEDOROVA)

Россия, Екатеринбург.
Институт истории и археологии Уральского Отделения РАН.
Аспирант, м. н. с. сектора этноистории.

Russia, Ekaterinburg.
Institute of History and Archaeology
(Ural Branch of the Russian Academy of Science).
PhD Student, junior researcher in Ethnohistory department.

dina_fedorova@bk.ru

АНГЛИЙСКОСТЬ И ИМПЕРИЯ: ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Кризис национальной идентичности характерен для многих «бывших» империй — Великобритании, Германии, России, Турции, Франции. Не случайно актуальными в этих странах являются соответствующие исторические и культурологические исследования. Статья посвящена исследованию дебатов, посвященных содержанию и стратегиям современной национальной/этнической идентичности (британскости/английскости) применительно к дискуссиям о значении и роли империализма. В работе специальное внимание уделено смежным проблематикам (концепция Малой Англии, мультикультурализм, футбольный хулиганизм и пр.). Проблемой Великобритании в 1990-е гг. является то, что регионы «кельтской периферии» обладают некоей автономией, но сердцем Великобритании, как и во времена империи, остается не Шотландия или Уэльс, а Англия, и англичане составляют доминирующую нацию. Отношения империи, империализма и современной британской идентичности противоречивы: с одной стороны, империя является «территорией» т. н. ностальгической британскости и английскости, а с другой — является символом противоречий и столкновений народов, составляющих сегодня британское общество. Несмотря на болезненность осмысления имперского прошлого, империя остается неким Эльдорадо идентичности (успешной, глобальной, мультикультурной, полиэтничной) — во всяком случае, для ее английского населения (символом этого сегодня стал футбол, например).

Ключевые слова: Британская империя, современная Великобритания, Англия, английскость, британскость, национальная/этническая идентичность, мультикультурализм, концепция «Малая Англия»

Englishness and Empire: Identity Discourse in the Contemporary UK

The intellectual climate at the turn of the centuries in many former empires, including Russia and the UK, could be described as the crisis of the post-imperial national identity, when society was “boiling” with all kinds of theories about ethnic/national identities, image projects, etc. In the UK, these processes were further complicated by a lack of understanding — both by the general public and the politicians about what was, or should have been, the content of the notion of British-ness, and about the proportionate share

of Englishness in such a concept. The discourse revealed the existence of two different positions with regard to the definition of a community — by criteria of legal nationality or ethnicity. This, in its turn, reflected two historical trends: the evolution of the civil nation in the UK and the actualization of ethnic nations on the basis of existing or assumed ethnic differences — against the background of a latent ban on the nationalism of the “title nation”. The author refers to the analysis of the social and historical context against the background of which the discussions among the historians, politicians, economists, representatives of literary and cinematographic circles took place.

The article is devoted to the contemporary identity debates in Britain about content and strategies of the British-ness (and the main part of it, which is Englishness) theme in cohesion with the role and importance of the imperial past. The focus was on some specific concepts of Englishness (Little England), multiculturalism, football hooliganism problems, etc.

Following the imperial past, British society finds itself searching for a new identity. This search is accompanied by the creation of various memory structures that manage to turn the past into a veritable lighthouse of origin in an ocean of ideas, projects and strategies.

The British Empire, “where the Sun never sets”, and the famous Pax Britannica wasn’t merely a source of wealth for the British. The Empire was an embodiment of grandeur and might; it constituted an important part of the national identity. Its downfall resulted in the emergence of specific commemorative practices that are very intrinsic in the cultural, political and economic life of the society. The relationships between the empire, imperialism, and British identity are very controversial today: on the one hand, the empire is a nostalgic memory of British-ness and Englishness, but on the other hand, it is a symbol of contradictions and collisions between the nations that constitute British society today.

History has always been especially productive at creating national myths. National histories are, to a certain extent, stories about the process in which nations form perceptions about themselves as individual subjects. In this sense, the “nations-are-created-by-historians” aphorism holds true. Empire without the institution of the monarchy wouldn’t mean much to the British. The queen and the monarchy were symbols of the empire. The search for national identity in Great Britain is not limited, however, to the juxtaposition of the ethnic groups that have long populated the British Isles. The proper

КАРАВАЕВА (ФЕДОРОВА) Дина Николаевна / Dina KARAVAeva (FEDOROVA)

| Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании |

context in which to view this identity was the entire empire with all other peoples who populated it.

Special attention is given to the subject of the Little England concept of English Identity, an identity of those who would turn their backs on overseas adventures. There have been versions of Little England for as long as there have been imperialists, but it is not past foreign entanglements that exercise little Englanders, but present ones — especially the current European Union. However, in spite of the controversy of the re-evaluation of the imperial past, the empire remains some sort of ethnic El Dorado (with its success of glob-

al, multicultural and multi-ethnic ideas), at least for the English part of the population. However, contemporary British people are moving themselves further and further away from the time of the empire. Today, they are more inclined towards a different kind of multi-culture, localization, and existential isolation.

Key words: *British Empire, modern Britain, England, Englishness, Britishness, national/ethnic identity, multiculturalism, the “Little England” concept*

De-PaxBritannica, или Империя versus идентичность

В 1962 г. мир обошла фраза Д. Ачесона, бывшего госсекретаря, а в то время советника президента США: «Британия утратила империю и не нашла новой роли в мире». По выражению исследователя В. Уора, «старая страна» не единожды за свое существование сталкивалась с кризисом идентичности и успешно его преодолевала, но «старая история не в состоянии больше исполнять один и тот же трюк»¹. Победа мультинационального сообщества над фашизмом в войне 1939–1945 гг. замаскировала только на некоторое время факт утраты объединяющей их конструкции². Исчезновение империи не только обусловило внешнеполитическую растерянность Лондона, которому пришлось в исторически сжатые сроки выстраивать новую систему приоритетов на мировой арене, но и вызвало надлом в национальном самосознании, потерявшем привычную целостность. Как считает А. А. Громыко, многие из нынешних проблем британского общества уходят корнями в не столь уж давнее имперское прошлое, являясь порождением психологического стресса, пережитого нацией, которая привыкла ощущать себя супердержавой³.

Сказать определенно, кто первым в историографии заговорил о «постимперском синдроме» или «кризисе постимперской идентичности» во второй половине XX в. сложно, но данное понятие прочно вошло в обиход исследователей Британии второй половины XX в.⁴ В среде британских историков термин «кризис» общеупотребляем, но не общеупотребим. Как говорит К. Мерсер, культурный критик, об идентичности начинают говорить только тогда, когда возникает ее кризис⁵. К. Вудвард

же уверена, что данное слово стало популярным с подачи медиа из-за своей броскости, на самом же деле кризис означает не сколько агонию, сколько обновление и появление спектра новых возможностей⁶. Кризис идентичности, обострившийся в 1990-е гг., связан со многими причинами, исторического, демографического и политического характера, и означает прежде всего всплеск и новую волну актуализации дискуссий о национальной идентичности на Британских островах.

Ведущий лондонского радишоу LBC (London Biggest Conversation) С. Алэн после выхода английской сборной из чемпионата мира 2010 г. резюмировал общие настроения так: «Большинство болеющих за английскую сборную англичан — это люди, которые, сожалея о том, что мы больше не правим этим миром, хотя бы мы дрались с противником на стадионах так, как мы когда-то [во времена Империи] дрались с ним на чужих берегах. Но мы больше не правим миром и слишком много ожидаем от футбола»⁷.

Прошлое не может быть вычеркнуто или забыто, оно возвращается в жизнь общества особым путем — в ситуациях, связанных с историей и актуализирующих самосознание. Процесс принятия и усвоения тех или иных вариантов исторической памяти является базовой составляющей национальной (гражданской) и/или этнической (культурной) идентичности общества, и «этничность сродни иммунной системе, которая активизируется при кризисах и вирусах, а в здоровом теле неприметна, будто дремлет»⁸.

Общество переходного, постимперского периода в поисках новой идентичности создает различные мемориальные конструкции, и прошлое становится неким ориентиром, маяком в океане множества идей, проектов, стратегий. Концепты «исторической памяти» и «идентичности» являются серьезным ресурсом в деле изучения ментального состояния общества, того, как множественные культурные и парадигмальные модели создают и структурируют настоящее через прошлое.

Островное положение Соединенного Королевства всегда являлось важным фактором его развития. Океан защищал страну от вторжений, способствовал складыванию особого типа мышления и территориальному расширению, устремляя британцев к чужим берегам. В XVI–XVIII вв. сложилась мощная империя,

¹ Ware V. Who Cares about Britishness? A Global View of the National Identity Debate. L.: Arcadia Books, 2007. P. 2.

² Ibid.

³ Громыко А. А. Великобритания: после захода солнца. // URL: http://www.ieras.ru/gromyko_ar16.htm

⁴ См.: Липкин М. А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / Под. ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Изд-во «Наука», 2007. С. 122–143; Семенов И. С. Культура, общество...; Солдатова Г. У. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М: Наука, 2005; Толкачева С. П. Мультикультурный контекст современного британского романа. М., 2003; Mander R. Great Britain or Little England? L.: Penguin, 1963; Kumar K. «“Britishness” and “Englishness”»: What prospect for a European Identity in Britain today? // British studies now. TheBritishcouncil, 1995. и т. д.

⁵ См.: Mercer K. Welcome to the Jungle / Rutherford J. (ed.) Identity: Community, Culture, Difference. L.: Lawrence&Wishart, 1990.

⁶ Woodward K. Questioning Identity: Gender, Class, Nation. L., N. -Y.: Routledge/Open University, 2000. P. 24.

⁷ LBC 97.3 FM. 27 June.

⁸ Головнев А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник, 2009, № 4(25). С. 46.

КАРАВАЕВА (ФЕДОРОВА) Дина Николаевна / Dina KARAVAЕVA (FEDOROVA)

| Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании |

над которой «никогда не заходит солнце», — Pax Britannica. Став для англичан символом величия и основой национального самосознания, империя воспринималась как естественный порядок вещей⁹.

Распад империи означал не только трансформацию государственного или политического строя. Империя имела для ее граждан, особенно англичан, экзистенциальный смысл, определяла их мироощущение, к ней относились как к живому организму, вызывавшему особые чувства. Смерть этого организма привела к формированию специфических отношений живых и мертвых¹⁰, специальных мемориальных практик, пронизывающих культуру, политику и экономику общества. В результате произошло то, что сегодня принято называть «постимперским кризисом идентичности»¹¹.

В начале 1990-х гг. проблема идентичности обострялась тем, что регионы «кельтской периферии» стремились к расширению автономии, а по культурной доктрине М. Тэтчер и Дж. Мэйджора сердцем Великобритании оставалась Англия. После победы лейбористской партии и Э. Блэра в 1997 г. и Г. Брауна в 2007 г. стартовала кампания по пересмотру идентичности с целью создания единой общности равных этничностей, включающей «коренных британцев» и иммигрантов. Наряду с определенными успехами, политика мультикультурализма предопределила усиление иммиграции, рост ксенофобии у коренного населения, внутреннюю дезинтеграцию. По экспертным оценкам, Великобритания ныне находится в процессе деволюции¹², поддерживаемой общеевропейской интеграцией и усилением роли регионов в ЕС (например, 80 % полномочий, переданных парламенту Шотландии, относятся к разряду европейских и предполагают прямой диалог институтов власти ЕС и Шотландии, минуя уровень Соединенного Королевства¹³). Символы, долгое время объединявшие жителей страны (протестантизм, монархия, империя, этнические традиции), существенно утратили свою действенность. Не прошло для Британии бесследно и завершение «холодной войны», т. е. стирание прежних стереотипов конфронтации с Востоком, обеспечивавших устойчивость идентичности¹⁴.

Общим фоном для данных явлений стала попытка британского общества ответить на вопрос, кто такие сегодняшние британцы, в чем ценности их прошлого и цели будущего — иными словами, что сегодня представляет собой британскость (Britishness), британская национальная идентичность, и какова в ней роль английскости (Englishness).

Англия, и англичане пока составляют доминирующую нацию. Но, как пишет А. Боком, с потерей «внешней и внутренней империи» название «Англия», прежде ассоциировавшееся с метрополией вообще, стало обозначать ту землю, которой больше не существует¹⁵. Понятия Англия и Британская империя (вместе со всем колониальным «наследием») сегодня настолько слиты воедино, что синонимичными их считают не только сами жители Британских островов, но и жители других стран¹⁶. Да и долгое время, всю империю сами ее жители называли Англией, а то и попросту ее столицей.¹⁷ Современные тенденции в общественно-политической лексике страны заменять слово английский (English), сужающее рамки страны до нескольких графств и ущемляющее достоинство бывших участников «внутреннего колониализма»¹⁸ Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию и внешнего колониализма Индию, страны Карибских островов и др, на британский (British, по имени островов) вызывают бурные дискуссии и рассматриваются сообществом в качестве фиктивных¹⁹.

Итак, отношения империи, империализма и современной британской идентичности необычайно противоречивы: с одной стороны, империя является «территорией» т. н. ностальгической британскости и английскости, а с другой — является символом противоречий и столкновений народов, составляющих сегодня британское общество. Говорить, что представляет собой сегодня британскость и какова роль в этом империи не менее сложно, чем пытаться рассуждать о российской и «русском народе». Однако в британской историографии существует обширный ряд мнений на этот счет. Попробуем их кратко рассмотреть.

Империя, «коренные британцы», монархия, классы

История всегда являлась особой отраслью культивирования национальных мифов. Национальные истории — в какой-то мере истории осознания нациями самих себя в качестве субъектов. В этом смысле верен афоризм «нации создаются историками»²⁰. М. Хальбвакс подчеркивает, что культурная память, переходящая из поколения в поколение и создающая особые семиотические образы, имеет сакральную природу и не распространяется сама собой, всегда имеет своих особых носителей (жрецов, учителей, профессиональных историков)²¹. Поскольку, как отмечают многие антропологи и политологи, генераторами,

⁹ См.: Громыко А. А. Великобритания: после захода солнца. // URL: http://www.ieras.ru/gromyko_ar16.htm

¹⁰ Разработкой особой структуры идентичности — памяти об умерших — посвящена работа Арнаутовой Ю. Е. От Мемория к «истории памяти» / Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С. 171–172.

¹¹ См.: Wellings B. Empire-nation: National and Imperial Discourses in England // Nations and Nationalism. Vol. 8. No. 1. 2002. Pp. 95–109.

¹² В 1999 г. в Великобритании были созданы автономные институты власти. Прежде всего, это такие законодательные органы как Национальная ассамблея Уэльса, парламент Шотландии и Ассамблея Северной Ирландии.

¹³ См.: Evans A. UK devolution and EU law // European Law Review. Vol. 28. 2003. № 4. Aug. P. 475–492.

¹⁴ См.: Blair's Britain, England's Europe. A View From Ireland. Institute of European Affairs. Dublin, 2000. P. 65; Colley L. Britons. Forging the nation. 1707–1837: with a new preface by the author. L.: Pimlico, 2003.

¹⁵ Baucom I. Out of Place: Englishness, Empire and the locations of identity. Princeton, 1999. P. 276, 277.

¹⁶ Для России опыт Британии полезен и актуален. Имперское прошлое обеих стран, положение на географической периферии Европы, наличие автохтонных национальных сообществ, особой позиции «титальной нации» — все это позволяет провести впечатляющие параллели, как в истории, так и в современном «кризисе идентичности».

¹⁷ До сих пор родственники одного из наших респондентов в Манчестере бангладешского происхождения называют все Соединенное Королевство Лондоном (Полевые материалы автора, 2012 г.).

¹⁸ См.: Nairn T. Faces of nationalism: Jahus Revisted. L.: Verso, 1997.

¹⁹ Липкин М. А. С. 123.

²⁰ Смит Э. Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 236.

²¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. Специальный выпуск. Память о войне 60 лет спустя. 2005. № 2–3; Halbwachs M. La mmoire collective. Paris. 1967.

КАРАВАЕВА (ФЕДОРОВА) Дина Николаевна / Dina KARAVAEVA (FEDOROVA)

| Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании |

носителями и выразителями исторической памяти являются интеллектуальные и политические элиты²², изучать данное явление целесообразно с учетом их персональных позиций.

Большинством исследователей идентичности британцев признается, что имперский менталитет, то есть мышление в глобальных категориях свободного перемещения людей, финансов, товаров и услуг, мессианизм, ощущение англосаксонской исключительности, в значительной степени свойствен им и по сей день²³. Н. Фергюсон и отдельные представители оксфордской исторической школы рассматривают Британскую империю как идеальную систему, в которой гражданская нация (в том числе колонизированные народы) сформировалась, пребывала в единстве и процветала под началом англичан.²⁴ По мнению других, например, представителя манчестерской школы Дж. Макензи, империализм был частью культурной идентичности британцев только в определенное время — с началом установки «нового империализма» в 1870-е гг., на протяжении I и II Мировых войн и в 1960-е гг.²⁵ Современным «историографическим мифом» считается утверждение о том, что во времена империи произошло окончательное закрепление противоречий между англичанами и шотландцами, валлийцами, ирландцами, в чем англичане и «английский национализм» сыграли решающую роль. В 1990-е гг. это привело Великобританию к своего рода «параду суверенитетов», негласному вето на англоцентризм в истории и культуре. Данное направление получило условное название ревизионистского — под его знаменем проходят основные дискуссии о вкладе шотландского, валлийского и других народов в развитие концепции британскости.

Подобный подход, естественно, особенно популярен в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии, а также среди интеллектуалов индо-пакистанского происхождения. Шотландский исследователь М. Сторри, например, полагает, что Соединенное Королевство представляет собой Англию с другими странами, которые были присоединены к ней в «добровольно-принудительном» порядке, подобно союзным республикам в составе СССР.

Частью идентичности является и чувство связи с французами. С 1990-х гг. наиболее обсуждаемым в Британии стало исследование Л. Коллей. Автор приходит к выводу, что общность британцев возникла из-за конфронтации с Другим — в результате Столетней войны с Францией (от Девятилетней войны 1689–1697 гг. до окончания войн с Наполеоном в 1815 г.)²⁶. Историк Дж. Гиллингем в своем труде «История английских королей» указывает, что причиной формирования национального самосознания и чувства превосходства англичан стала

женитьба в VI веке короля Этельберта I на Берте, дочери Rex Francorum, и «в силу этой связи с французами варварский когда-то народ стал отходить от своих диких порядков и склоняться к более благообразному образу жизни». ²⁷ П. Вард, рассуждая о влиянии империи на британскость, утверждает, что опыт империализма не привнес чего-то принципиально нового британцам, а лишь актуализировал и расширил в пределах империи уже сформированные в Англии до имперского периода черты идентичности — чувство уникальности и превосходства, богоизбранности англичан²⁸.

Однако все больше исследователей, в частности ревизионисты, стремятся отойти от какого-либо этноцентризма. Х. Керни рассматривал историческую общность четырех равных по своему вкладу в становление британской идентичности наций (англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы)²⁹. К. Вудвард пишет, что хоть и считается, что официальным «началом» британскости стал акт 1707 (Act of Union), Великобритания в то время представляла собой далеко не единую нацию, а расплывчатый конгломерат. Британскость являлась мешаниной валлийскости, шотландскости, английскости, которые в свою очередь были разделены на различные локальные идентичности (по принадлежности к деревне, городу, семье, ландшафтам и пр.). Современная британскость, по мнению исследовательницы, развилась вокруг пяти столпов: островная география, религия протестантизма и католицизма, различные войны XVII–XX вв., империя-земля-коммерция, монархия. Действующие силы — этнические элиты коренных народов Британии, консолидирующиеся под действием факторов экономического (коммерческого, в первую очередь) и политического успеха империи, развития земельных отношений. Английские аристократы интенсивно приобретали шотландские и валлийские поместья, и наоборот, шотландская и валлийская элита роднилась с английской элитой или покупала себе право быть таковой. В конце концов экономическое и культурное доминирование англичан привело к тому, что шотландские и ирландские джентри вынуждены были искать возможности развития в пределах всей империи, создавая в заморских землях новый тип идентичности, имперский³⁰.

Дж. Паксман, пытаясь показать историческую неправомерность англоцентризма, пишет о том, что шотландцы стали основными создателями Британской империи: когда их мечты о собственной империи рухнули после безуспешной попытки основать колонию на Панамском перешейке в 1698 году. Знаменитый сигнал в Трафальгарском сражении — «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг» — якобы поднял шотландец Джон Робертсон³¹. Такие исследователи, как Э. Беттнер и во все пишут, что империя была в большей степени британской, нежели английской: в белых колониальных поселениях процентное отношение народов было более сбалансированное, чем в метрополии (если в Британии шотландское население

²² Определения элит и их функций в обществе (Г. Лассуэла, В. Парето, Х. Хоркхаймера и М. Фуко) см.: Федотова Л. Н. Элита и масса в общественном мнении: проблема социальной элиты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 6. С. 7–18.

²³ См.: Kumar K. Nation and Empire: English and British National Identity in Comparative Perspective // Theory and Society, Vol. 29, № 5. Oct. 2000. P. 576–577.

²⁴ См.: Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. L., 2003. P. 171.

²⁵ Цит по: Colley L. P. 6.

²⁶ Colley L. P. 1–6.

²⁷ Цит. по: Паксман Дж. Англия: портрет народа. СПб., 2009. С. 71.

²⁸ Ward P. Britishness since 1870. L., N. -Y., 2004. P. 20–21.

²⁹ Kearney H. The British Isles: A history of four nations. Cambridge, 1989. P. 215.

³⁰ Guibernau M., Goldblatt D. Identity and Nation // Woodward K. (ed). Questioning Identity: Gender, Class, Nation. L., NY, 2000. P. 130–132.

³¹ Цит. по: Паксман Дж. С. 72.

КАРАВАЕВА (ФЕДОРОВА) Дина Николаевна / Dina KARAVAЕVA (FEDOROVA)

| Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании |

составляло 10 % в 1901 году, то в Австралии — 15 %, Канаде 20 %, Новой Зеландии 23 %) ³². В имперской Индии главным социальным событием было празднование дня Святого Эндрю, особо почитаемого в Шотландии, и, таким образом, удовлетворялись и шотландский, и имперский патриотизм ³³. Одним из следствий того факта, что с Британией и Британской империей связано столько валлийских и шотландских амбиций, является то, что ни в Уэльсе, ни в Шотландии не так много националистических движений, которые шли бы дальше лозунга «Мы ненавидим англичан».

Наибольшее количество негативных гетеростереотипов относится к ирландцам. Английское господство в Ирландии всегда было шатким, поэтому англичане вели себя там с надменностью. В журнале «Панч» 1880-х гг. появляются заметки о том, что в районах Лондона и Ливерпуля обнаружено «недостающее звено» в эволюции человека — «ирландский йеху»: «Когда говоришь с ему подобными, они несут какую-то чепуху... Ирландский йеху обычно обитает в пределах своей территории и покидает их, лишь чтобы добыть себе пропитание. Иногда, правда, это животное вдруг впадает в возбуждение и нападает на цивилизованных человеческих существ». В этом же журнале помещена карикатура с изображением ирландского Франкенштейна, ужасного и неотесанного чудовища ³⁴.

Однако сам факт того, что Ирландия была явной колонией, где английские колонизаторы принадлежали к иной религиозной конфессии и «человеческой расе», и за ними стояла оккупационная армия, пошел Ирландии на пользу. Как только развалилась империя, Ирландия сумела сформировать индивидуальный образ в Европейском союзе, в отличие части британских островов, над которыми висел груз уже не существующей империи ³⁵.

Как получилось, что англичанам сходили с рук все их предвзятые мнения? Дж. Паксман пишет, что, во-первых, они, бесспорно, доминировали на островах, владели самой преуспевающей империей в мире к XIX в., и их мало интересовало, что думали другие. А во-вторых, у многих кельтов был комплекс неполноценности по отношению к родным местам: англо-саксонской империи кельты могли противопоставить лишь исчезающие культурные достижения. Древняя цивилизация, к которой они якобы принадлежат, была культурой устной, и каких бы вершин она не достигала, их унесли с собой в могилу друиды ³⁶.

Что касается института монархии, то по крайней мере с конца XIX до конца XX вв. она играет очень важную роль в становлении и отправлении британскости. По П. Варду, империя сама по себе ничего бы не значила для британскости без института монархии. Королева, монархия были символами империи (Д. Кэннадайн пишет, что играли роль даже такие

вещи, как платье Елизаветы II во время коронации 1953 года, где были изображены эмблемы доминионов, войска содружества; там же присутствовали премьер-министры Доминионов и Индии, и главы колониальных протекторатов) ³⁷. Автор утверждает, что империя, а точнее спровоцированное самим ее существованием развитие дешевых коммерческих масс-медиа, позволили поднять престиж монархии, сделать ее популярной, сплотить вокруг нее население. Монархическая пропаганда, организация и освещение в СМИ различных пышных юбилеев, коронаций и прочих королевских (позиционировавшихся как собственно имперских) празднеств с течением времени все больше ставили монархию в центр национальной идентичности всех британцев ³⁸. Как отмечает Р. Самюэль, вся внешняя имперская символика являлась отражением внутренней английской монархической — в архитектуре, монетах, печатях, почтовых конвертах и пр., также как и в сочетании символических мест и территорий, зданий, изображений, статуй, обрядов и обычаев ³⁹.

П. Вард обращает внимание, что не только празднества сплотили британцев, но и особый институт благотворительности: члены королевской семьи все чаще с конца XIX в. века стали «выходить в народ» и по-особенному поощрять благотворителей, вообще людей, проявивших себя в чем-либо. Так, исследователь пишет об особом значении писем королевы Александры Датской во время II Мировой войны в знак признательности тем, кто пожертвовал деньги фонду ее мужа по оказанию помощи слепым солдатам: людей переполняла гордость за родину, ощущения величия монархов и значимости собственного вклада в развитие страны. Такого рода «физические контакты» способствовали формированию патриотизма, желанию защищать королевскую семью во всех владениях империи. Особенно много, безусловно, сделала для этого королева Виктория — незаурядная личность, ставшая символом империи, процветания и могущества Великобритании. Королева, как отмечает Вард, впервые за историю монархии сумела соединить публичное и приватное, управление, замужество и материнство (9 детей). Именно с этих пор стали говорить о ней не только как о правительнице, но и женщине, матери, а о королевской семье как о чем-то не только величественном, но и светлом, близком каждому британцу. Также королева сыграла прямую роль в формировании новых идеалов английской, британской женскости — женщина как добропорядочная мать семейства, хранительница очага, благотворительница, активный общественный деятель ⁴⁰.

Репрезентация монархии как главы всей «национальной семьи» лишь отчасти помогла преодолеть внутренние социальные и географические различия. Монархия ассоциировалась с Англией и английскостью ⁴¹. Тем не менее, монархия и импе-

³² Robbins K. Great Britain: Identities, Institutions and the Idea of Britishness, Harlow, Longman, 1998. Pp. 213–214.

³³ Buettner E. Haggis in the Raj: Private and Public Celebration of Scottishness in late imperial India // Scottish Historical Review. № 81. 2002. Pp. 212–239.

³⁴ Punch. May 1882. P. 4, 6. См. также: Punch Anti-Irish propaganda (1882). Irish Frankenstein. // URL: [http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Punch_Anti-Irish_propaganda_\(1882\)_Irish_Frankenstein.jpg](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Punch_Anti-Irish_propaganda_(1882)_Irish_Frankenstein.jpg)

³⁵ Паксман Дж. С. 80.

³⁶ Там же. С. 82.

³⁷ Cannadine D. Ornamentalism: How the British Saw their Empire. L., Alen Lane, 2001. P. 103–105.

³⁸ Cannadine D. The Context, Performance and Meaning of Ritual: The British Monarchy and the “Invention of Tradition,” c. 1820–1977 // E. J. Hobsbawm and T. Ranger (eds.), *Inventing Traditions in Nineteenth-Century Europe* (Cambridge University Press, 1983; Italian, Portuguese, Spanish, German and Japanese translations.). P. 134–137.

³⁹ Ibid. P. 103

⁴⁰ Ward P. P. 20–22.

⁴¹ Ibid. P. 22.

КАРАВАЕВА (ФЕДОРОВА) Дина Николаевна / Dina KARAVAЕVA (FEDOROVA)

| Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании |

риализм создавали условия для синтезирования различных этнических самосознаний. Например, использование символов шотландскости в общеимперской символике пошло от интереса англичан к «туристической Шотландии» (королева Виктория очень любила путешествовать по горам Шотландии, построила королевскую резиденцию в Балморале, а принц Альберт спроектировал дом в «шотландском баронском стиле», стал иногда носить одежду из шотландки, клетчатой шерстяной ткани)⁴².

Многие историки склоняются к тому, что определенные классы сыграли решающую роль в становлении идентичности. Носителями имперского энтузиазма, по мнению Р. Прайса, были выходцы из среднего класса, которые не входили в зону классовой лояльности высшего общества, с одной стороны, а с другой, сознательно не инкорпорировались в организации рабочего класса, обращаясь к риторике коллективности, «национальности» империи. Аристократы не слишком нуждались в империи и имперских войнах, так как имели достаточно, а необразованный рабочий класс интересовался в основном насущными материальными нуждами, вполне удовлетворяясь своей жизнью в рамках общины⁴³.

Синдром мисс Мортимер, или Империя и «Восток»

В 2005 г. американский издатель Тодд Прузан, случайно наткнувшийся в букинистической лавке на произведение Мисс Фарвелл Ли Мортимер «Описания европейских стран», издававшиеся только до начала XX века (потом писательницу настигло забвение), решил, что это находка выдающаяся и принесет ему состояние. Он объединил трилогию о странах и народах («The Countries of Europe Described», 1849; «Far Off, Part I: Asia and Australia Described», 1852; «Far Off, Part II: Africa and America Described», 1854) в единое издание с названием «Самые негодные народы в Европе» (The Clumsiest People in Europe) и собственным предисловием.

Издатель не ошибся. Шовинистические путеводители по странам мира викторианских времен вызвали большой интерес во всем англо-саксонском, да и европейском мире. Более того, британское издание Random House Books вызвало волну саморефлексии среди соотечественников Мисс Мортимер на тему отношения ко всему иностранному и объему всего викторианского в современной английской культуре (явление даже получило название «синдрома Мисс Мортимер»).

Наибольшее количество негодования книга вызвала у представителей мультикультурного сообщества Британии, посчитавшего книги Мортимер не личными предрассудками, а состоянием викторианских умов, состоянии, присущего белым британцам, особенно старшего поколения, и поныне. Книга спровоцировала очередной всплеск дискуссии британского сообщества о колониализме: книга была создана в эпоху великой Британской Империи, метрополия которой была населена жителями, искренне считающими другие народы отсталыми и нелепыми (рубеж XIX–XX вв., как известно, время господства концепции «бремени белого человека» и цивилизаторской

миссии англичан). Больше всего «досталось», как водится в подобных дискуссиях, «наследникам» империи — англичанам.

Итак, поиск национальной идентичности в Великобритании не сводится к противопоставлениям этнических групп, издавна обитавших на Британских островах. Контекстом такой идентичности была огромная империя с населявшими ее «другими» народами. Более того, многие авторитетные авторы (например, И. Нойман⁴⁴) склонны полагать, что именно Другой стал ключевой причиной формирования идентичности европейских народов. Однако, как пишет А. В. Головнев, сведение межкультурной коммуникации и формирования идентичности к дихотомии мы-они (свои-чужие), обоснованной еще У. Самнером (концепция we group — out group и этноцентризма как ключевого фактора развития народа)⁴⁵, упрощает понимание этнического процесса: «В действительности группа «мы» не всегда враждебна и противоположна группе «они», в их диалоге замысловато переплетаются своя и чужая истинность с инакостью разных соседей, создавая жесткую полярность, а поле многообразного взаимодействия»⁴⁶.

С. Энлоу пишет, что во времена империи в колонизированных странах происходило выстраивание образа британца, англичанина. «Европейский «ориентализм» внушал мысль о беззащитности восточных культур, оправдывая имперское господство во имя «цивилизации». Получалось, что восточные женщины, страдающие в своей чадре, нуждались в защите со стороны европейских мужчин». Взаимоотношения с Востоком являлись фактором формирования особой модели мужественности у британцев. Во времена империи британские лидеры были заинтересованы в поддержке ее надлежащих форм, обеспечивающих прочность государства. В частности, по мнению исследовательницы, Крымская и Бурская войны привели к инициативам по «исправлению» форм мужественности. Основание движения бойскаутов в 1908 г., инициатором которого стал Р. Баден-Пауэлл, было реакцией на распространение венерических заболеваний, смешанные межрасовые браки и падение рождаемости, ведущие якобы к закату Британской империи. «Баден-Пауэлл и другие британские империалисты находили, что отличие от поведения восточных мужчин, а именно увлеченность спортом в купе с почтением к уважаемой женщине, и есть залог успеха Британской империи».⁴⁷

Как отмечает Л. Шнайдер, в конце XX в. считалось, что британское сообщество само по себе создает притягательный для иммигрантов культурный образец, способствующий интеграции, и этот взгляд на сущность британской идентичности представляет собой инверсию традиционного английского национализма, центральная идея которого состоит в культурном превосходстве и особой цивилизаторской миссии англичан. В современном «мультикультурном» варианте эта идея исходит из того, что английский национальный характер исторически формировался на основе комплекса универсальных гуманитар-

⁴² Cannon J., Griffiths R. The Oxford Illustrated History of the British Monarchy. Oxford University Press, 1998. Pp. 560, 639.

⁴³ См.: Price R. Society, status and jingoism // Grossick G. (ed.) The Lower Middle Class in Britain. L., Grom Helm, 1977.

⁴⁴ См.: Нойман И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Изд-во «Новое издательство», 2004.

⁴⁵ См.: Sumner W. G. Folkways. Edinburgh, 1906.

⁴⁶ Головнев А. В. С. 47–48.

⁴⁷ Enloe C. Bananas, beaches and bases: making feminist sense of international politics. L., 1989. P. 49–50.

КАРАВАЕВА (ФЕДОРОВА) Дина Николаевна / Dina KARAVAЕVA (FEDOROVA)

| Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании |

ных идей (христианский гуманизм, либерализм и др.), которые являются благом не только для самих британцев, но и для подданных Британской империи, включая народы Азии, Африки и Вест-Индии⁴⁸. Д. Джуд также говорит об империи и мессианизме, в котором британские политики и интеллектуалы (Дж. Чемберлен, У. Черчилль, Р. Киплинг, С. Родс, Р. Баден-Пауэлл) видели средство сплочения различных народов, как о базовом компоненте национальной идентичности. Д. Кэннадайн пишет, что британская метрополия культивировала в колониях представления о социальной иерархии и господстве закона, а не об этничности. Тем самым империя воссоздавала в различных частях света относительно гомогенный социальный, политический и правовой строй, сплачивающий народы чувством принадлежности к единым ценностям, к единой гражданской нации⁴⁹.

С конца 1980-х гг. британские исследователи национальной идентичности (например, Р. Самюэль) все чаще настаивают на том, что признание расово-культурных различий внутри «новой» британской нации требует не столь уж значительных концептуальных изменений в понимании процесса формирования британского общества, поскольку вся британская история — это преемственность разнородных этнических групп (кельты, римляне, англ, юты, саксы, датчане, норвежцы, нормандцы, бретонцы, французы и др.), прибывавших на Британские острова и периодически сообщавших проблемный характер самой британской идентичности, или английскости⁵⁰.

Д. Кэннадайна же в «History Today» писал, что в XIX–XX вв. отношение британцев к «цветному» населению колоний и доминионов базировалось на оценке индивидуальных достоинств человека. Британская метрополия, как считает автор, культивировала в колониях выношенные ею же самою представления о социальной иерархии и господстве закона, поэтому статус в местной иерархии играл гораздо более объединяющую роль, чем расовые различия. Как следствие, при всем «орнаментализме» (многоцветной мозаичности рас и культур), Британская империя на этапе своей зрелости воссоздавала в различных частях света относительно гомогенный строй, во многом копирующий британские порядки, сплачивающий народы чувством принадлежности к единой нации — не этнической, но политической, гражданской. Согласно автору, поэтому Великобритании удавалось столь длительное время поддерживать в своей империи дух национальной «кооперации»⁵¹.

Первые же отклики на статью исследователя показали, что его концепция воспринимается многими британскими историками как чрезмерная идеализация империи и неправильное толкование сущности нации, с которой могли согласиться социальные верхи и правители колониальных стран, но не угнетавшиеся метрополией «народные массы». Историк из Кембриджа П. Бендэлл (родившийся в Калькутте) иронично замечает, что Кэннадайн устранил из «основной картины» истории Британской империи многочисленные «голодовки,

мятежи и убийства», высокомерие англичан и их дистанцирование (в том числе в этническом, национальном отношении), чего, конечно, не сделал бы историк из Индии или Ганы⁵². В 2000 г. накануне Всеобщих выборов в Великобритании публикуется доклад Б. Пареха «Будущее мультиэтнической Британии», явившийся результатом работы одноименной комиссии и вызвавший взрыв патриотического негодования граждан Великобритании. Наибольшее неприятие у общественности вызвали предположения автора доклада о том, что по самой своей сути так называемая «британская идентичность» всегда была глубоко расистским понятием.

Несомненно, Кэннадайн и Парех указали на сложность феномена империи, его объединяющую силу для британской идентичности, открыв в ее истории новое концептуальное измерение. Данное видение в значительной мере обусловлено реалиями самой Великобритании конца 1990-х гг., для которой поиск интегрирующей общество межэтнической и межрасовой парадигмы становится внутренней проблемой, государственной задачей.

Малая Англия versus империализм

Считается, что в противовес постимперскому синдрому среди английского населения стал набирать популярность концепт «Малой Англии», означавший стремление оградиться от перипетий внешнего мира, заново создать неповторимый «старый добрый» английский мир наподобие уютного Шира Р. Толкиена (усилила данные настроения иммиграция мусульман и неудачная интеграционная и культурная политика правительства М. Тэтчер, Дж. Мэйджора, в некоторой степени Э. Блэра)⁵³.

Концепция «Малой Англии» (Little England) получила свое развитие еще в конце XIX в. как термин, разграничивающий метрополию (Малая Британия) и собственно империю (Большая Англия — England at Large) сегодня становится базовой опорой английского национализма (антиимпериалистского). Согласно Оксфордскому словарю, термин «Малая Англия» и «малоанглийцы» (Little Englanders) относятся к периоду между 1884 и 1895 гг., и изначально обозначают антиимпериалистические позиции англичан-противников расширения присутствия Империи в Африке перед англо-бурской войной 1899–1902 гг.⁵⁴

Как писал еще историк Э. Тайлор, антиимпериализм в Британии так же стар, как и империализм⁵⁵. По словам Р. Готта, причиной является «старинная вера в то, что заморские приключения не дают развиваться внутреннему реформированию»⁵⁶, или, как пишет Ж. Хобсон, тот факт, что империализм приво-

⁵² Bendall P. Beyond Ornament // History Today. Vol. 51 (6). June 2001. P. 61.

⁵³ См.: Федорова Д. Н. Интеграция по-британски: современный правительственный мультикультурализм и иммигранты // Британия: история, культура и образование. Ярославль, 2008; Антонова В. К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен? // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0299/analit05.php>

⁵⁴ См.: Oldershaw L. (Ed.). England: a Nation. L.: R. B. Johnson, 1904. P. 38.

⁵⁵ Taylor A. J. P. The Trouble Makers: Dissent over Foreign Policy 1792–1939. L.: Hamish Hamilton, 1954.

⁵⁶ Gott R. Little Englanders / R. Samuel (Ed.). Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity. L.: Routledge, 1989. P. 91

КАРАВАЕВА (ФЕДОРОВА) Дина Николаевна / Dina KARAVAЕVA (FEDOROVA)

| Английскость и империя: дискурс современной идентичности в Великобритании |

дит к недостаточному инвестированию во внутреннее развитие во имя содержания войны и инвестирования в зарубежные территории⁵⁷. Причиной развития антиимпериализма стал и страх матерей и жен за своих близких, гибнущих на далеких берегах в международных войнах. Писатель Ж. Пристли в 1934 г., например, заявлял о своей любви к Малой Англии и ненависти по отношению к «великоанглийцам» с их «красными лицами, громкими голосами и желанием везде и повсюду в мире командовать людьми»⁵⁸.

В начале XX в. понятие постепенно стало обретать свои современные черты в произведениях Дж. Оруэлла, который считал, что имперский патриотизм прививался сугубо властями, и не был свойственен англичанам как таковой⁵⁹. Антиимпериализм и концепт Малой Англии получил дополнительное развитие на волне страхов и опасений как правых, так и левых из-за потоков «цветной» иммиграции и «колонизации вспять» с 1960-х гг. и до нашего времени.

Англия белых британцев, враждебных по отношению к британцам африканским и азиатским, а сегодня по отношению к экономическим мигрантам и беженцам из бывших колониальных стран для многих представителей общественности и есть часть Малой Англии. Концепция обросла негативными коннотациями: с ней связывают экстремизм, ксенофобию по отношению к иммигрантам из стран Азии и Африки. По мнению исследователей, не все малоанглийцы являются расистами, но большинство расистов являются малоанглийцами⁶⁰.

Еще одним фактором развития концепции стала неприязнь и отвращение некоторых групп англичан по отношению к Европейскому Союзу (или его ранним формам — Общему рынку (Common Market), Европейскому экономическому сообществу (European Economic Community)), с которыми Великобритания, по имперской привычке, продолжает связывать свои чаяния. Главным фактором неприязни англичан по отношению к данным организациям являлся тот факт, что, по сути, они находились под управлением континентальных (в ходу было полупрезрительное обозначение «Continental») Франции и Германии, а не Британии. Негативизация понятий «Малая Англия» и «малоанглийцы» очевидны в Британии, в первую очередь, из-за отрицания приверженцев этой концепции всего иностранного, особенно европейского. Глобализация и развертывание влияния Британии в мире также видится скорее угрозой, чем возможностью. Парадоксально, но малоанглийцы могут быть самоцентричны и самодовольны, с предубеждением относиться к иностранцам и иммигрантам, иногда даже обращаться к крайне-правым позициям, но в то же время зачастую они демонстрируют ориентированность на внутренние интересы и поддержку собственного населения, более человеческое и гуманное отношение к территории собственного проживания, соответствующие миру в противовес империализму и стремлению к доминированию другой английскости («кто мы такие, чтобы диктовать другим условия жизни?»).

* * *

Итак, несмотря на болезненность осмысления имперского прошлого, империя является неким Эльдorado идентичности (успешной, глобальной, мультикультурной, полиэтничной) — во всяком случае, для ее английского населения (символом этого сегодня стал футбол, например). Но век империи все дальше и дальше от сегодняшних британцев, тяготеющих к иному рода мультикультурности (равной), локальности, экзистенциальной замкнутости.

⁵⁷ Цит. по: Green E., Taylor M. Further Thoughts on Little Englandism / R. Samuel (Ed.). Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity. L.: Routledge, 1989. Pp. 103–109.

⁵⁸ Цит. по: Giles J., Middleton T. Writing Englishness 1900–1950: An Introductory Sourcebook on National Identity. L.: Routledge, 1995. P. 26.

⁵⁹ Mander R. Great Britain or Little England? Harmondsworth: Penguin, 1963. P. 197–199.

⁶⁰ Bryant C. The Nations of Britain. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 190.

